

4. Радость

Название поэмы Мильтона переводится как «веселый, жизнерадостный». А это самые распространенные, самые точные эпитеты в оценках А. А. Протасовой (Воейковой). «Современники всегда упоминают веселость Саши», — пишет ее биограф Н. В. Соловьев [34, т. I, с. 11]. Веселость — постоянный мотив в стихотворениях Жуковского, обращенных к младшей племяннице («о небо, пусть идет веселия стезею», «будь радостью света», «веселость (...) дней твоих подруга», «с тобой явилась в свет веселость, бог крылатый, она твой провожатый...», «непорочность — спутник твой и веселость — гений»).

Сама Саша удивлялась собственной веселости и старалась «объяснить эту черту своего характера, применяя известный стих Жуковского „Моя жалоба“:

*Вчера дарю забвенью,
Веселью нынче отдаю,
А завтра — Провиденью* [34, т. I, с. 11].

Вот изображение Саши в книге Соловьева, опирающееся на шуточное стихотворение Жуковского 1814 г.: «весело смеющееся личико, обрамленное русыми кудряшками», «кружащаяся», «как сверчок», «по стульям и окошкам», «забавляющая всех своими милыми шалостями»; ее называли Грацией, Венерой и Сильфидой [34, т. I, с. 9]. Сравните с описанием Эвфрозины в мильтоновской поэме: «so buxom, blithe and debounair» (резвая, беспечная, жизнерадостная), милее всех граций, вечно улыбающаяся; «ямочки ланит», «Quips, and Manks, and wanton Wiles» (увертки, капризы, легкие шалости); легкая, порхающая поступь.

Соловьев справедливо обращает внимание на то, что Жуковский называл Сашу «своею музою, вдохновлявшею его на поэтическое настроение, в то хорошее Муратовское время „золотого века“, когда для него жизнь и поэзия была одно, и когда он был поэтом в полном смысле этого слова» [34, т. I, с. 110—111]. «Милому другу Саше» он посвятил баллады «Светлана» и «Громобой», многие шуточные стихотворения-напутствия («Сашка, Сашка!...», «Что делаешь, Сандрок?...»). Будущее Саши представлялось поэту радужным и счастливым, сходным с ее веселой душой («Светлане»).

Жуковский стал крестным Саши и в жизни, и в поэзии. Имя «Светлана» связало воедино биографию и творчество поэта с ее жизнью: так зовут героиню одной из лучших его баллад, так с легкой руки поэта прозвали и адресата этой баллады — А. А. Протасову; этим же именем называли в «Арзамасе» и самого Жуковского. Имя *Аллегро*, данное Саше в 1811 г., точно выражало сущность ее характера; будучи синонимом «Светланы» (светлая, радостная), оно уходило корнями в древнюю традицию, имело мировоззренческую основу⁹.

С годами образ веселой Саши в сознании Жуковского приобретает новые смысловые и эмоциональные оттенки. В него вносится трагический мотив, связанный с печально сложившейся судьбой любимой племянницы (тиранство А. Ф. Воейкова, тяжелая многолетняя болезнь). Период поэтических напутствий «милому Ангелу» Саше (начало 1810-х годов) сменяется в стихотворных обращениях к ней элегическими воспоминаниями о счастливом и навсегда утраченном прошлом — о «днях весны» поэта: «Я на тебя смотрю с веселием унылым: Теснишься в сердце ты изображеньем милым Всего минувшего, всего, чем жизнь была Так сладостно полна, так пламенно мила...» (см. [34, т. I, с. 45]).

⁹ О значении акта именования для Жуковского см. в одном из последних писем Вяземского к поэту (3 марта 1852 г.): «Светлана не только именем, но и душою, помолился за Асмодея не только именем, но и тревожным и темным расположением духа. Недаром ты заметил однажды, что Арзамас окрестил каждого из нас символическим и пророческим именем» [31, с. 71].